

А. Губайдуллина

СИМВОЛИКА ТРАМВАЯ В ПОЭЗИИ XX ВЕКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Символ трамвая вызывает интерес у неофициальной поэзии. На протяжении всего XX в. трамвай служит символом существования человека в мире. Как в поэзии для взрослых, так и для детей передает мысль об изменяющемся времени, о несвободе. Противоречивость образа трамвая, олицетворяющего веру в прогресс, но порождающего страх человека быть побежденным бездушной машиной, рассматривается в стихотворениях таких поэтов, как О. Мандельштам, С. Маршак, И. Иртеньев, М. Яснов, М. Бородинская.

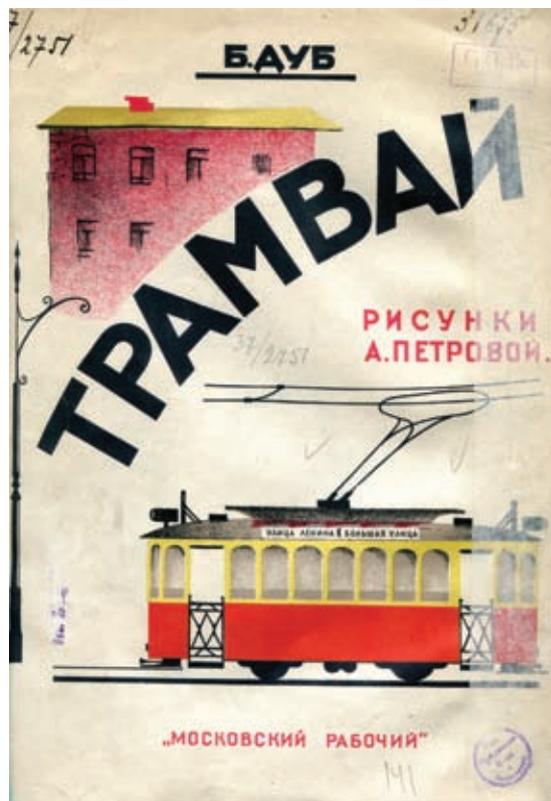
Ключевые слова: трамвай, детская поэзия, XX век, прогресс, О. Мандельштам

Загадочная популярность образа трамвая в поэзии и прозе первой половины XX в. замечена литературоведами. Отдана дань «Заблудившемуся трамваю» Н. Гумилева [Аллен 1989]. В журнале «Звезда» опубликовано художественно-публицистическое эссе В. Шкловского «О трамвайном фольклоре» [Шкловский 1933]. Особого внимания заслуживает статья Р. Тименчика «К символике трамвая в русской поэзии» [Тименчик 1987], в которой автор рассматривает символическое содержание трамвайной темы в лирике начала века. Тименчик фиксирует зооморфный мифологизм образа; диалектику свободы и заданности движения; астральные ассоциации; канон трамвайной эротики и другое.

Трамвай не заблудился в беспокойном серебряном веке, а проследовал сквозь всю поэзию XX столетия. В первой половине века трамвай встречается у многих акмеистов (Н. Гумилев, О. Мандельштам, В. Аренс, С. Городецкий) и авангардистов (В. Маяковский, Г. Апрельский, В. Шершеневич, Б. Пастернак, Д. Хармс).

Во второй половине XX в. наибольший интерес этот символ вызывал у наименее официальной литературы. Например, в авторской поэзии (Ю. Визбор, Б. Окуджава, В. Высоцкий, А. Городницкий, Л. Сергеев, М. Щербаков, З. Яценко). Образ трамвая востребован также рок-поэзией и музыкальным андеграундом.

Параллельно со «взрослой» литературой трамвайную тему развивает поэзия для детей, как первой половины (в стихотворениях

Дуб Б. Трамвай / худ. А. Петрова. М.: Московский рабочий, 1927.

С. Маршака, О. Мандельштама, К. Льдова, С. Михалкова), так и конца XX в. Целью данной статьи является сравнение семантики образа трамвая в поэзии для взрослых и детей, а также исследование изменений, которые претерпела символика трамвая в детской поэзии от начала века к концу.

Е. В. Захаров пишет, что в творчестве Д. Хармса образ трамвая становится «символом существования человека в мире» [Захаров 2006, с. 108]. Говоря о детской поэзии в целом, можно дополнить: символика трамвая проявляет два альтернативных способа существования. Впервые эти способы очерчены в стихотворении О. Мандельштама «Два трамвая Клик и Трам» [Мандельштам 2001, с. 280]. Стихотворение, составившее отдельную детскую книгу, написано в 1924 г. Образы трамваев в нем антропоморфны. Это два брата, один из которых социально и профессионально успешен (Трам;

Веприцкая Л. Трамвай не зевай! (Рассказ для детей) / худ. М. Г. Соколов. М.: Книгоизд-во Г. Ф. Мириманова, 1927. (Библиотека школьника).

огласовка названия ассоциируется с громкостью, механистичностью), а другой — несостоятелен и жалок (Клик; семантика названия от «кликать», «звать»). Трамваи принадлежат новому времени, жизни, вынесенной на улицу («Улица-красавица, всем трамваям мать, / Любит электричеством весело моргать»). Городская жизнь характеризуется стремлением к прогрессу («Рельсы серебристые выслала вперед»); урбанистическими новшествами (семиэтажный дом; «друзья-автомобили»); оживленностью; футуристическим шумом и грохотом. Жизнь каждого ее члена выставлена на всеобщее обозрение, проходит под приглядом тех, кто «выше»:

— Ты скажи, семиэтажный
Каменный глазастый дом,
Всеми окнами ты видишь
На три улицы кругом....

Дуб Б. Трамвай / худ. А. Петрова. М.: Московский рабочий, 1927.

Центром улицы, ее распорядителем является очеловеченный часовой циферблат (лицо с усами) на вокзальной башне, который отмеряет (отъедает) общее время. Трамваи стремятся расположиться рядом с башней:

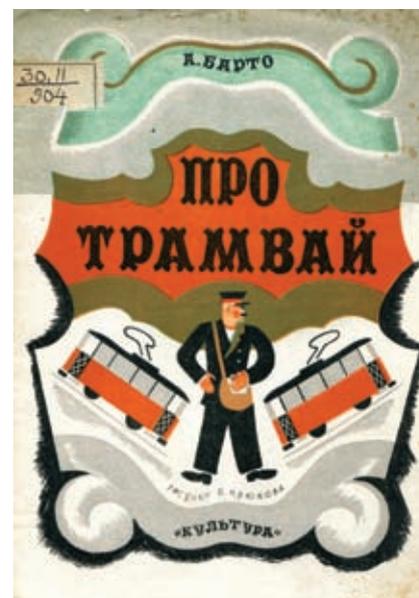
На вокзальной башне светят
Круглолицые часы,
Ходят стрелки по тарелке,
Словно черные усы.

Здесь трамваи словно гуси
Поворачиваются.
Трам с товарищами вместе
Околачивается.

Старший из братьев, Трам, адаптировался к жизни в новом мире. У него яркие краски (электрические огни, красная площадка). Он защищает брата перед «сильными мира сего» и не боится общения: «Мне не страшно. Я трамвай. Я привык». Он умеет выделяться:

А Трам швырк-шварк —
Рассыпает фейерверк;
А Трам не хочет в парк
Громыкает громче всех.

Сознание младшего брата, парадоксально, характеризуется не молодостью и бодростью, а усталостью и отрешенностью. Клик сонный, испытывает боль («болела площадка; слипались фонари»), к

Барто А. Про трамвай / худ. Б. Крюков.
Киев: Культура, 1930.

концу стихотворения утрачивает свои жизненные функции: внутренний огонь становится не красным, а бледно-розовым, глаза слезятся, в последних строках трамвай слепнет. Он социально беспомощен, вызывает у окружающих злость, презрение, насмешку («Смеются над Кликом извозчик и дети»; «трамвай-ротозей»; «трамвай-горемыка»; «стоит на площади — и всех глупей»). Клик описывается как отживший свое: «Дом ответил очень зло: / — Много здесь таких прошло». Он останавливается в пограничном пространстве (между жизнью и смертью) перед пустотой небытия: «Кто там смотрит фонарями в темноту? / Это Клик остановился на мосту».

Мандельштам в детском стихотворении использует те же элементы трамвайной образности, которые Р. Тименчик находит в поэзии «серебряного века» в целом: обращает внимание на глаза трамвая; подчеркивает огненные признаки (огни города, моргающее электричество, фейерверк), которые вызывают у поэтов начала XX в. астральные ассоциации; вводит тему усталости, которая сопровождает трамвай у К. Большакова, В. Маяковского, И. Эренбурга. В центре стихотворения «Клик и Трам» оказывается тема пугающего нового времени, разных стратегий выживания и взаимопомощи.

В следующих детских книгах О. Мандельштам также обращается к символу трамвая, сохраняя и развивая его экзистенциальную амбивалентность. Неизданный сборник «Трамваи» [Нерлер 1990, с. 590], по замыслу состоящий из одиннадцати стихотворений, начинается сюжетной зарисовкой «Мальчик в трамвае» [Мандельштам 1990, с. 335], а заканчивается стихотворениями «Все в трамвае» [Там же, с. 336] и «Сонный трамвай» [Там же, с. 337]. Действие первого стихотворения происходит утром, последних двух — вечером, что очерчивает полный день жизни трамвая.

В первом стихотворении описывается появление нового пассажира, «первоступенника-мальчика» (читай, неопита, нового члена общества). Сюжетная ситуация становится инициацией, принятием мальчика в успешное трамвайное сообщество. Авторитетность присутствующих подтверждена их высоким социальным статусом: «Кондукторши, кондуктора, / Профессора и доктора». Концентрация многих «кондукторов» в одном трамвае расширяет вагон до модели требовательного общества в целом. Мальчик проходит два испытания. Во-первых, достает «настоящий / гривенник блестящий», подтверждая свою материальную состоятельность. Во-вторых, решает математическую задачу, доказывая силу интеллектуальную. В итоге ему разрешено *поехать дальше*. Стихотворение во многом перекликается с рассказом Д. Хармса «Едет трамвай. В трамвае едут 8 пассажиров» (1930). Мандельштам, как и Хармс, придает кондукторам «охранительную функцию» [Захаров 2006, с. 110]. И в том и в другом произведении порядок закрепляется с помощью числа (у Хармса в итоге — ноль, начальная точка мира; у мандельштамовского мальчика — сакральная тройка). И в том и в другом случае, человек «проживает жизнь как поездку в трамвае. Он пассажир в чужом, созданном кем-то вагоне, который идет по проложенным кем-то рельсам» [Там же, с. 111].

При этом героям Мандельштама, не прошедшим положенный ритуал принятия в трамвайное сообщество, движение запрещено. Выброшенным из жизни может оказаться не только трамвай, но и его пассажир. В произведении «Все в трамвае» в вагоне собираются герои детской книги «Трамваи». Стихотворение придает книге кольцевую композицию и объединяет портретную галерею городских типажей. Каждый из персонажей за день решил свою проблему: мальчик из первого стихотворения «запомнил твердо счет»; мальчик, герой стихотворения «Буквы», которому не давалось чистописание, «перья новые купил»; портниха нашла потерянную

иглу, и так далее. Получают возможность проезда и «незнакомые, чужие». Однако есть и оставшийся за пределами социума: «Лишь настройщик опоздал: / На рояли он играл». Учитывая трепетное отношение Мандельштама к музыке, можно предположить, что в образе опоздавшего настройщика выведен мастер, служитель искусства как таковой, не успевающий за ритмом механистичного времени. Чувство собственной ненужности усиливается к 1930-м гг., и трамвайная тема передает это уже во «взрослой» лирике поэта:

Нет, не спрятаться мне от великой муры
За извозчиью спину — Москву,
Я трамвайная вишенка страшной поры
И не знаю, зачем я живу
[Мандельштам 1990, с. 173].

Лишним человеком становится и рассеянный С. Я. Маршака — герой, инварианты которого существуют, как минимум, в трех детских стихотворениях. В каждом из них есть образ трамвая. В книге «Дураки» (1924) [Яковлев 1924, с. 3] С. Маршак изображает неграмотного деревенского Егорку, попавшего в город. Егорка в ряду прочих неприятностей садится на «шестерку» вместо трамвая «номер два» и приезжает не на «Покрова», а на вокзал. Невежда у Маршака стремительно эволюционирует, и в книге «Лев Петрович» (1926) [Пяст 1926, с. 3] уже появляется нелепый профессор, который не может дожидаться трамвая потому, что не умеет выбирать жизненное пространство:

Вместо собственной постели
Ночевал он на панели;
За дровами у сарая
На дворе он ждал трамвая.

Лев Петрович не понимает причинно-следственной логики быта, не способен к действию, может лишь испытывать на себе воздействие, точнее, насилие со стороны других:

Ночевал он на панели,
Удивляясь лишь тому,
Что проходят по нему <...>
Сам скрывался под водою,
А карась его удил.

Он не ощущает своей экзистенции: звонит вымышленному двойнику по телефону, набирая случайные числа. Единственное действие, которое Маршак доверяет герою без путаницы, — эстетическое наслаждение:

По ночам, когда, бывало,
За окном луна вставала,
Он со свечкой шел к окну
Любоваться на луну.

Романтический порыв в общем контексте произведения выглядит нелепостью, так же как преувеличенная вежливость третьего, наиболее известного, из маршаковских рассеянных в обращении с трамвайным вагоновожатым¹. Интеллигентные герои С. Я. Маршака, как и детские персонажи О. Мандельштама, в 1920-е предстают беспомощными перед диктатом прагматики, и образ трамвая помогает это заметить.

Трамвай остается моделью многонаселенной страны в детской поэзии на протяжении всего XX в. Однако меняются исторические декорации и авторская цель. Стихотворение В. Инбер «Трамвай идет на фронт» (1941) [Инбер 1967, с. 186] композиционно близко мандельштамовскому «Все в трамвае». Так же перечисляются пассажиры вагона, которые подобраны автором в соответствии с полезностью стране: «немолодой рабочий», изготавливающий оружие; старушка, везущая папиросы «танкисту-внуку»; «дружинницы» с гранатами; партизан и прочие. Центральной фигурой становится грудной ребенок, получающий «боевое крещение»:

Дитя! Твоя квартира
В обломках. Ты — в бою
За продолжение мира,
За будущность твою.

В первой половине века трамвай рассматривается как школа общественной жизни. Трамвайной теме нужен ребенок как объект воспитания и как отражение счастливого будущего, стартовое звено прогресса. Позже дидактическая позиция уступает место интонации сомневающейся и, далее, — игровой или медитативной.

Отказ от дидактики более всего заметен при наличии прямого диалога произведений, как в случае со стихотворениями «Одна рифма» С. Михалкова (конец 1930-х — начало 1940-х гг.) [Михалков 1999, с. 212] и «В переполненном трамвае» С. Махотина (начало XXI в.) [Махотин 2007, с. 59]. Махотин использует тот же стихотворный размер, что и Михалков, — четырехстопный хорей. Лирическая ситуация двух стихотворений сходна: маленький мальчик сидит в центре переполненного трамвая, рядом стоит женщина, которой нужно уступить место. У Михалкова поведение душевно черствого героя в конечной строфе определяет главную идею стихотворения:

Этот случай про старушку
Можно дальше продолжать,
Но давайте скажем в рифму:
— Старость нужно уважать!

Первые две строфы стихотворения Махотина наводят на мысль, что речь также идет о воспитании:

В переполненном трамвае
Мальчик маленький сидит
И на тетеньку с арбузом
С сожалением глядит.

Уступить ей, бедной, место
Он давно бы поспешил,
Но такой поступок папа
Совершить не разрешил!

Но в последней строфе читательские ожидания обманываются. Акцент смещается с этики ситуации на комедию положений:

Потому что даже папе
Не под силу этот груз —
Вместо сына
Взять на плечи
Эту тетю
И арбуз.

Все персонажи остаются положительными. Воспитание происходит опосредовано, и размышляет автор, скорее, об ограничении человеческих возможностей, нежели об этической норме.

Примерно до середины 1980-х гг. символика трамвая напрямую связана с детскими переживаниями, в том числе в поэзии и в песенном творчестве для взрослых, но это уже не стремление к прогрессу, а желание вернуться в прошлое:

Дайте трамваи раскрашивать детям —
Славный бы вышел урок рисованья! <...>
Подбери меня, трамвайчик,
На боку зеленый зайчик,
На колесах три ромашки,
На окошке — какаду;
Если мне найдется место —
Ты возьми меня до детства,
А наутро возвращаясь —
Я у дома подожду
(О. Литвиненко «Трамвайчик»);

Большой трамвай
Бежит, звеня,

Везет к приятелю

Меня

(Сапгир Г. «Улица» [Сапгир 2008, с. 82]);

Даже маленькие дети станут седые и горбаты.

Но останется на свете остановка у Арбата.

И не разу не померкнув, беспрерывно оживая,

Профиль юности бессмертной промелькнет в окне трамвая

(Д. Кедрин «Я стоял у поворота рельс, идущих от Арбата...»);

Мы беспечны, как в школе мальчишки.

В продуваемом ветром пальтишке

Среди клекота бешеных стай <...>

Остается лишь четверть надежды —

На последний до центра трамвай

(М. Сипер «Гулкий стук звездопада о землю...»)

[Трамвай в русской поэзии].

Усиливается ностальгическая тоска. Трамвай перевоплощается из провозвестника будущего в раритет прошлого. В стихотворении А. Гиваргизова для детей «О письменном столе и Тимофеевой Ире» [Гиваргизов 2008, с. 46] в «пещерах» стола школьника среди прочих «полезных ископаемых» находится «от компостера деталь». Все предметы, включая компостер, из «найденных на свалке». «Ископаемые» со свалки указывают на смену эпох, на не востребованность прошлого в современности. При этом утрачивается не только время, но и пространство бывшей страны: компостер ставится в один ряд с вещами из других стран:

Это сделано в Китае

это сделано в Корее

это я нашел в трамвае

от компостера деталь

[Гиваргизов 2008, с. 47].

В детскую поэзию проникает чувство утраты прошлого, ей органически не присущее (не пережитое адресатом).

Лирические герои поэзии для детей начала XXI в. обладают повзрослевшим сознанием. Образ трамвая в новых стихотворениях словно возвращает читателей к символике поэзии Серебряного века, но не детской, а взрослой. В произведении М. Бородинской «Тетушка Луна» [Бородинская 2010, с. 18] действие происходит ночью. Трамвай «вдвигается в натурфилософский ряд» (Р. Тименчик о Серебряном веке). Герой пытается убежать на трамвае домой от полной луны. Ночное сознание героя — это сознание сверхъестественных возможностей (безмолвный диалог с космосом; возможность проникнуть как в «верхний», так и в «нижний» (метро) миры).

Он становится сильнее луны, побеждает ее в немом состязании: «отстала старая Луна»; «В окошке полная Луна / Переводила дух». Трамвай наделяется зооантропоморфным поведением («бежал, по улицам кружа»), в то время как образ луны, помимо одушевления, приобретает оттенок механистичности («скакала, дребезжа»). Проверяется значимый для начала прошлого века оксюморон свободы трамвая (и героя в нем) при заданной траектории его движения. Кроме того, вновь проявлен мотив усталости — один из основных мотивов трамвайной символики.

М. Яснов в произведении «Трамвайный парк» [Яснов 2009, с. 57] вступает в поэтическую переключку с О. Мандельштамом, рисуя образ усталого, спящего трамвая. Пространство трамвайного парка у Яснова — ночное пространство безмолвия, противопоставленное оживленности дневной людской жизни. Ряд строк, подчеркивающих полную обездвиженность трамваев и состояние покоя, рождает ассоциацию с кладбищем. Вместе с трамваями безмолвствует природа: «Не слышен здесь / Вороний карк»; «Все спят / Во всей округе, / Сложив на спинах / Дуги»; «Пусть крепко спит / Трамвайный парк». Уставший, шаркающий сторож является двойником уставшего трамвая, у одного гудят ноги, у другого — колеса; как и трамваи, старик живет ночной жизнью и противопоставлен остальному человечеству. У М. Яснова трамвайная символика помогает увидеть обособление старости — параллельного другим людям существования в безмолвии и одиночестве. Выбранная им для детского стихотворения тема подтверждает приведенный выше тезис о повзрослевшем сознании детской поэзии. Ребенок берет на себя переживания взрослого. У Михаила Яснова тема старости в поэзии для детей наиболее выражена: «Без дедушки», «Мы с дедушкой», «Мне грустно думать про сову», «Мы пришли к блокаднице...», «Два старика идут домой...», «Обида». Старость — время, вызывающее эмпатию лирического героя. В ряде случаев он наделяет приметами старости близких живых существ и объекты, возраста которых не знает: сову («Мне грустно думать про сову»), хромого пса («Два старика идут домой...»), почтовую марку («Баллада о почтовой марке»). Перед ребенком ставятся задачи преодоления одиночества и страха смерти. Так, в стихотворении «Без дедушки» лирический герой, столкнувшись со смертью родного деда, замещает его, выполняет функцию двойника. Он не только осуществляет взрослые обязанности («И за дедушку утром картошку, / Встав пораньше, домой принесу»), но и перенимает стариковскую игровую

роль («Двину пешку Е2 — Е4 / И за дедушку сделаю ход») [Яснов 2009, с. 49], то есть ребенок продолжает существование умершего, продлевая чужое жизненное время. Он выполняет не столько то, что «нужно», принято во взрослом времени, сколько то, что придает жизни полноценность (играет за деда, смотрит за него в окно).

XX в. предлагает трамваю условный маршрут, конечная цель которого все более отдалена от героя и слабо достижима. Например, в романтической песенке Ю. Мориц «Дождь на улице стоит» герои мечтают добраться на трамвае до дома, но понимают: «Нас, людей, убьет война — / Йо-хо-хо и бочка смерти — / Нынче злые времена». Песня стилизована под пиратскую, с атрибутами морской романтики (клич «йо-хо-хо», склянки, набитый трюм, бочка рома). Трамвай перевоплощается в корабль, и произведение Ю. Мориц продолжает ассоциативный ряд, восходящий к «Летучему голландцу»: бесконечное путешествие; отсылка к старой «морской были»; упоминание жестокости и смерти. Символика трамвая как корабля-призрака присутствует в стихотворениях Н. Гумилева «Заблудившийся трамвай» и В. Ходасевича «Берлинское». Ср.:

А там, за толстым и огромным
Отполированным стеклом,
Как бы в аквариуме темном,
В аквариуме голубом —

Многоочитые трамваи
Плывут между подводных лип,
Как электрические стаи
Светящихся ленивых рыб
(В. Ходасевич [Ходасевич 1996, с. 258]);

За стеклом душа трамвая
Сквозь туман глядит на мир,
Двери в море открывая,
Где толчется пассажир.
По зеленым по волнам
Мы в трамвай течем толпой,
Человеческой волною,
Человеческой крупой
(Ю. Мориц).

Трамвай окружен водой снизу (море) и сверху (дождь). Утверждается идея погружения, падения в глубину. Исследователи рассматривают траекторию «Заблудившегося трамвая» Н. Гумилева как «вертикальное падение» и последовательный спиральный «спуск в бездну» [Куликова 2009, с. 53]. В романтической песенке Ю. Мориц

присутствует не свойственное этому жанру ощущение катастрофы происходящего.

Рефрен «Склянки бьют на повороте, / Чтоб никто не стал хромым» имеет двойную семантику. В бытовом понимании речь идет о трамвайных звонках на поворотах, предостерегающих пассажиров и пешеходов от того, что их зацепит вагоном. В мифологическом представлении, по одной из версий [Реальный словарь 1885, с. 602], хромота, одна нога связывается с семантикой искры, быстрого огня. Таким образом, трамвай, причастный воде, огню и земле становится мифологическим универсальным транспортом, которому подчинены все стихии. Трамвай — медиатор между жизнью и смертью. Отрезанная часть тела является устойчивым мотивом трамвайной символики. В стихотворении Ю. Мориц герой может потерять ногу (романтическая отсылка к образу Джона Сильвера, пирата из романа Р. Л. Стивенсона). Р. Тименчик пишет о «навязчивой теме обезглавливания, изначально связанной с трамвайной темой» [Тименчик 1987, с. 139] и приводит в пример трамвай у С. Городецкого, А. Ремизова, В. Шершеневича, М. Булгакова. С. В. Полякова рассматривает гиньольный мотив (продажу отрезанных голов) в «Заблудившемся трамвае».

Детская «трамвайная» поэзия XX в. усваивает мотив обезглавливания в опосредованном виде. Так, у В. Инбер партизан привозит сынишке из военного трамвая «немецкий шлем-трофей» — метонимический образ головы побежденного врага. Тема потери головы является центральной в стихотворении И. Иртеньева «Вожатый и трамвай» (1981). Его вагон, также как и у Ю. Мориц, падает под гору, унося персонажей в бездну нижнего мира (хотя в реальном пространстве «от Яузских ворот» в Москве трамвай не может двигаться вниз):

Что за ужас, ай-ай-ай!
Мчится под гору трамвай.
А за ним бежит вожатый
С головой, в дверях зажатой
[Иртеньев 1998, с. 26].

Голову вожатому защемляет после того, как он выходит «на остановке, / Чтобы выпить газировки». Утоление жажды в данном случае служит метафорой жажды жизни, поисков свободы от запрограммированного маршрута. Заданность жизни подтверждена шаблонами профессиональной речи. Голова вожатого в трамвае не может выразить внутренних чувств и изъясняется клише:

Головой бодает дверь
И ревет, как дикий зверь:
— Граждане пассажиры,
Своевременно и правильно
Оплачивайте свой проезд.
Не имеющие разменной монеты,
Покупайте абонементные книжечки.

Интересно, что процедуре усекновения головы подвергается сам вагоновожатый — фигура, которая наравне с кондуктором, обладает в начале века статусом распорядителя человеческими жизнями. Читаем у Е. Захарова (о трамвайном кондукторе в прозе Д. Хармса): «...ее именованием является ее профессия, которая имеет охранительную функцию. Она — символ стража у врат в иной мир. И действительно, она следит за тем, как входят в человеческий мир и уходят из него пассажиры» [Захаров 2006, с. 110]. В стихотворении Иртеньева вожатый пытается получить допуск у пассажиров на вход в свой же вагон, то есть получить разрешение на право управления собственной и чужой жизнью. Пассажиры не узнают своего вожатого и воспринимают свой путь как движение, управляемое ими самостоятельно:

Опустили мы монеты,
Оторвали мы билеты,
Едем тихо, честь по чести,
На своем законном месте.
И вообще, ты кто такой,
Чтоб тревожить наш покой?!

Статусное место внутри вагона занято другим персонажем:

Тут старушка рядом с кассой
Говорит приятным басом:
— Мы тебе, вожатый, верим,
Мы тебе откроем двери. <...>
Раз уж ты частично здесь,
Так и быть, присутствуй весь.

Важен «бас» говорящей (мужской статус женского образа), ее расположение у кассы (распоряжение земными благами) и разрешительный компонент речи. В стихотворении старушка играет роль палача, дающего помилование обезглавленному. Произведение можно прочитывать как социальный памфлет — высмеивание ложной демократии общества. Но точнее трактовать его в социально-философском аспекте как стихотворение об инертности будничной жизни и о страхе человека утратить привычные координаты движения своего «вагона».

Обобщая сказанное об образе трамвая в поэзии для детей, еще раз подчеркнем общность символики трамвая в детской и взрослой лирике. Символ трамвая не однозначен. В начале XX в. он помогает поэтам передать сумятицу изменяющегося времени. Трамвайный ход дает надежду на прогресс, но рождает и страх быть раздавленным или отброшенным в сторону бездушной высокоскоростной машиной. Поэтому новый транспорт требует воспитания нового успешного героя. Во второй половине века персонажи меньше пытаются соответствовать требованиям общества и иногда представляют себя вне трамвая, рядом с ним. Они способны увидеть его отстраненно, вглядываясь в прошлое и осознавая непричастность ушедшему времени. Вместе с идеей прямого воспитания уходит и жесткая трамвайная иерархия. Но диалектика свободы / предопределенности движения, а также диалектика одушевленности / механистичности остается на протяжении всего «маршрута следования» трамвая по столетию.

Примечание

¹ Первый эпизод из стихотворения «Вот какой рассеянный», опубликованный в журнале «Пионер» (1928), представлял собой именно «Случай в трамвае» [см.: Герчук 1982].

Источники

- Бородицкая М.* Прогульщик и прогульщица: стихи для детей и не только. М.: Самокат, 2010.
- Гиваргизов А.* Мы так похожи. М.: Самокат, 2008. С. 46.
- Инбер В.* Стихи. Россия — Родина моя. Библиотечка русской советской поэзии в пятидесяти книжках. М.: Худож. лит., 1967.
- Иртеньев И.* Пират дядя Петя: Для семейного чтения. М.: Белый город, 1998.
- Мандельштам О. Э.* Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Худож. лит., 1990.
- Мандельштам О. Э.* Стихотворения. Проза. М.: Слово, 2001.
- Махотин С.* В переполненном трамвае // Новые стихи. М.: Махаон, 2007.
- Михалков С.* Избранное. Ростов н/Д: Феникс, 1999 (Всемирная библиотека поэзии).
- Мориц Ю. П.* «Дождь на улице стоит» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bard.ru> (дата обращения: 28.06.2012)
- Пяст В.* Лев Петрович / С. Я. Маршак. Л., Радуга, 1926
- Реальный словарь классических древностей.* СПб., 1885.
- Сапфир Г.* Стихи. М.: Дрофа-Плюс, 2008.
- Трамвай в русской поэзии [Электронный ресурс]. URL: <http://tram.ruz.net/lyrics/poetry/> (дата обращения: 28.06.2012)
- Ходасевич В.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Согласие, 1996.
- Яковлев С.* (Маршак С. Я.). Дураки. Л.: Радуга, 1924.
- Яснов М.* Собираетел сосулук. М.: Самокат, 2009.

Исследования

Аллен Л. «Заблудившийся трамвай» Н. С. Гумилёва: Комментарий к строфам // Аллен Л. Этюды о русской литературе. Л.: Худож. лит., 1989. С. 113–143.

Герчук Ю. Люди рассеянные / Художник В. Конашевич делает книгу. С. Маршак. Вот какой рассеянный. М.: Сов. художник, 1982. Стр. 13–23.

Захаров Е. В. Образ трамвая в малой прозе Д. Хармса // Русская литература XX века: проблемы изучения и обучения: Ч. II: Секционные докл. XII Всеросс. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 29–30 марта 2006 г. / Урал. гос. пед. ун-т. Ин-т филол. исследований и образовательных стратегий «Словесник». Екатеринбург: УрГПУ, 2006. С. 107–111.

Кроль Ю. Л. Об одном необычном трамвайном маршруте («Заблудившийся трамвай» Н. С. Гумилёва) // Русская литература. 1990. № 1. С. 208–218.

Куликова Е. «Заблудившийся трамвай» Н. Гумилева и корабли-призраки // Филологический класс. 2009. № 22. С. 51–57.

Нерлер П. Комментарии // Мандельштам О. Э. Соч.: в 2 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1990. С. 590.

Полякова С. В. Источник одного образа из «Заблудившегося трамвая» Гумилева // Материалы научной конференции 17–19 сентября 1991 г. СПб., 1992 [Электронный ресурс]. URL: <http://gumilev.ru/about/28/> (дата обращения: 28.08.2012).

Тименчик Р. Д. К символике трамвая в русской поэзии // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 754. Тарту, 1987. С. 135–143.

Шкловский В. О трамвайном фольклоре // Звезда. 1933. № 5.